

Э. Л. РАДЛОВ

<Вл. С. Соловьев и Н. А. Любимов>

Когда я познакомился с Соловьевым (вскоре после того, как он покинул преподавательскую деятельность в Московском университете¹ и прибыл в Петербург) и речь зашла о его переходе на службу из Москвы в Петербург, он в числе причин, побудивших его к этому переходу, упоминал и о своем неодобрении образа действий московских либеральных профессоров по отношению к профессору Н. А. Любимову², приверженцу М. Н. Каткова³. К группе либеральных профессоров причислялся обыкновенно и сам Владимир Сергеевич. Профессора этой группы перестали подавать руку Н. А. Любимову. Неодобрение Соловьева обуславливалось, как мне кажется, главным образом тем, что он сам был в то время в редакции «Русского вестника». В пользу такого толкования говорит то обстоятельство, что, когда дело касается людей, заподозренных в недоброжелательстве к катковскому направлению, осуждаемый Соловьевым прием, т. е. неподавание руки, пускался и им в ход. Таково было, например, его отношение к Ю. А. Кулаковскому⁴, который чем-то досадил М. Н. Каткову. Вообще, в молодости Соловьев была весьма нетерпимым. Помню, что однажды он остановил у меня в квартире одного моего знакомого, рассказывавшего анекдот, в котором было несколько задето духовенство, словами: «Не кощунствуйте!» Соловьев находил тогда, что фанатизм в хорошем деле есть хорошее дело, и только впоследствии, когда он сошелся с «Вестником Европы», он стал утверждать, что фанатизм есть всегда дело непохвальное. В это время он уже и сам считал позволительным рассказывать даже весьма рискованные с «кощунственной» точки зрения анекдоты. Отношение Соловьева к Н. А. Любимову в позднейшие годы совершенно изменилось. В одной из своих статей в «Вестнике Европы» он отзывался о публицистических произведениях Н. А. Любимова не особенно почтительно. Конечно,

Н. А. Любимова это очень раздражало. Придя как-то ко мне в одно из отделений Публичной библиотеки, он грозился, что если Соловьев не перестанет задира́ть его в печати, то он, со своей стороны, огласит печатно, что тот занимался онанизмом. Соловьев, в свою очередь, несколько раз говорил, что Любимов — мелкий человек, мелкая душонка.

